

Е.П. Ковалевский

**Странствователь по суше и
морям**

Книга 1 и 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.П. Ковалевский**
Странствователь по суше и морям: Книга 1 и 2 / Е.П. Ковалевский – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 405 с.

ISBN 978-5-4241-1002-3

ISBN 978-5-4241-1002-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗЮЛМА,

ИЛИ

ЖЕНЩИНА НА ВОСТОКѢ.

ТАШКЕНТЪ.

ВЮДЪНА,

ИЛИ

ЖЕНЩИНА НА ВОСТОКѢ.



Я жилъ въ Ташкентѣ и уже начиналъ свѣкаться со своимъ грустнымъ ^{ассимилированнымъ} житьемъ но надобно вамъ объяснить, что такое Ташкентъ?

Въ Средней Азіи, составляющей обширную впадину всей Азіи, раскинуто на безграничномъ пространствѣ нѣсколько жилыхъ мѣстъ, нѣсколько городовъ, составляющихъ оазисы пустыни. Они образуютъ отдѣльныя ханства, которыя мѣняють также часто свой видъ, какъ и зыбучіе пески, окружающіе ихъ. Это дѣлается очень просто: городъ цвѣтетъ торговлею и красуется азіатскою роскошью; онъ возбуждаетъ зависть и алчность сосѣда,

и вотъ непріятельскій набѣгъ; случай или сила благопріятствуетъ чуждому оружію: городъ разоренъ, богатства расхищены, жители уведены въ плѣнъ, изсякшіе каналы не поддерживаютъ болѣе плодородія и вскорѣ сугробы песку заносятъ развалины бывшаго города, и только изрѣдка, закинутый сюда прихотью судьбы, путникъ-европеецъ, остановится надъ этими развалинами и горько задумается надъ тщетою человѣческою.

Ташкентъ ни лучше ни хуже другихъ средне-азійскихъ городовъ, составляющихъ резиденціи ханствъ. Десятъ тысячъ низенькихъ, съ плоскими крышами, домовъ, разбросанныхъ въ самомъ прихотливомъ безпорядкѣ, обнесенныхъ большею частію стѣнами, и такимъ образомъ составляющихъ какъ бы отдѣльныя укрѣпленія; все это пересѣкается кривыми, узкими улицами и переулками, на которыхъ ни когда не увидишь и двухъ-колес-

ной повозки, не то чтобы другаго ка-кого экипажа; посрединѣ довольно обширная площадь, гдѣ кипитъ на-родъ во всякое время дня, если нѣтъ молитвы въ мечети, куда, волею или неволею, идетъ онъ на зовъ меэзина; вокругъ стѣна, въ четыре сажени вы-шиною, мѣстами разрушенная, мѣста-ми увѣнчанная бѣйницами, — и вотъ вамъ Ташкентъ.

Ташкентъ и Коканъ, какъ слѣдуетъ двумъ добрымъ, сосѣдямъ, ведутъ ме-жду собою безпрестанную войну; то подчиняются вмѣстѣ со своими город-ками и селами одинъ другому, то со-ставляютъ два отдѣльные ханства. Въ бытность мою въ Ташкентѣ, ханъ его, Юнусъ-Хаджи, разбилъ на голову ко-канское войско, схватилъ самаго хана, зарѣзалъ его, посадилъ въ Коканъ правителемъ своего человѣка и такимъ образомъ сталъ въ головѣ довольно многочисленнаго и сильнаго народа.

Странно! въ судьбѣ этихъ двухъ народовъ очень часто играетъ главную роль женщина: говорятъ, такъ ужъ имъ определено свыше! Еще недавно Коканъ, слитый воедино съ Ташкентомъ, выдерживалъ трехлѣтнюю войну противъ Бухары и наконецъ, въ прошломъ году, покоренъ ею,—и причиною этому всему была женщина. Вотъ какъ было дѣло:—но я отступая отъ своего предмета; что дѣлать, старость болтлива!—Мегемедъ-Али, ханъ коканскій, послѣ смерти своего отца, женился на старшей его женѣ. Бухарскій ханъ, облекшій самъ себя званіемъ эмира, какъ блюститель магометанскаго закона, потребовалъ расторженія этого брака; мало, выдачи преступной жены и муллы, совершившаго такой бракъ, для поступленія съ ними по законамъ. Само собою разумѣется, что Мегемедъ-Али хотѣлъ быть самъ властителемъ своихъ поступковъ; муллу бы то онъ можетъ быть и выдалъ, а ужъ жены

ни кому не хотѣлъ уступить безъ бою, и вотъ загорѣлась война, продолжавшаяся три года; война, которой послѣдствія мы уже описали; прибавимъ къ этому, что и ханъ, и незаконная жена его, и преступный мулла попались въ плѣнъ; мулла уже казненъ, съ ханомъ поступать, вѣроятно, какъ поступаютъ ханы другъ съ другомъ, а жева, — но поступки эмира не подлежатъ нашему суду. *)

Въ Азіи двѣ породы людей, совершенно отличныхъ одна отъ другой въ нравственномъ отношеніи: это люди осѣдлые и люди ^{номады} кочевые. Человѣкъ осѣдлый — рабъ безусловный своего властителя; въ немъ только и чувства, только и страсти, что стремленіе къ барышу, къ наживѣ. Человѣкъ ^{даст} кочевый свободенъ, какъ птица ^{летаетъ} поднебесная; удальство, баранта, вотъ сфера, въ которой

*) По новѣйшимъ извѣстіямъ, Коканъ уже сбросилъ съ себя чуждое владычество и правится племянникомъ зарязаннаго въ Бухаріи хана.

которой онъ обращается; отсюда вѣчная борьба этихъ двухъ народовъ между собою. Окружите ихъ природою, находящейся также во враждѣ съ людьми; сосредоточьте страсти людей въ одну, которая, вслѣдствіе того, превращается въ изступленіе; ^{turn}накиньте на все это мрачный ^{bring}покрывъ фатализма, — и вотъ вамъ нравственный міръ средне-азійской пустыни, на горизонтѣ котораго, яркой звѣздочкой блестя ^{shine}любовь женщины, та дикая, ^{combine}за-мѣняющая всѣ чувства, всѣ страсти, ^{combine}всесокрушающая, всеоживляющая ^{combine}любовь, о которой мы не имѣемъ ^{combine}понятія. Тамъ женщина, въ своемъ ^{combine}заточеніи, только и живетъ для любви; ее обдумываетъ она въ длинные дни одиночества, ее ^{combine}лелѣетъ, ею гордится и красуется; она не знаетъ другихъ сердечныхъ волненій; она чужда ^{combine}мученій нашего свѣта, въ которомъ ^{combine}изнываетъ бѣдное женское сердце, это сокровище любви, бережно сохраняемое

на Востокъ только для того, кому назначить его судьба; и только любви, одной любви просить она за все самопожертвованіе; и какъ страшится, какъ дрожитъ она за эту любовь. Неидетъ ли въ урочный часъ ея владытель-мужъ, и она бьется по комнатамъ, какъ бѣдная птичка, завидѣвшая изъ клѣтки своихъ птенцовъ, и ревность западаетъ ей въ сердце, а ревность женщины на Востокъ ужасна! она проявляется или яростію львицы, защищающей своихъ дѣтенышей, или мертвенностію отчаянія безпредѣльнаго. — Я расскажу одинъ случай: воспомина-ніе живо, ярко развиваетъ предо мною свитокъ событій, едва я коснусь его. Мы кочевали около Сыръ Дарья. Въ караванъ общее вниманіе возбуждала женщина, о красотѣ которой рассказывали чудныя вещи, хотя лице ея было всегда закрыто, и едва ли кто изъ рассказчиковъ видѣлъ его. Женщина эта уже нѣсколько лѣтъ

была женою какого то богатаго хивинца, но Аллахъ не благословилъ ее дѣтьми, и вотъ она отправилась на поклоненіе какому то святому мужу, и теперь возвращалась домой. Все это мнѣ говорилъ очень подробно и очень ^{детально} красно нашъ толстый караванъ-баши, какъ вдругъ общая суматоха прервала его разглагольствованіе. Вдали открыли всадника, и караванный людъ былъ увѣренъ, что это передовой соглядатай какой-нибудь ^{истинный товарищ} ^{орку} баранты, которая не замедлитъ гднуть на караванъ. Все ^{собралось} столпилось въ кучу, вооружилось какъ могло, хотя для того болѣе, чтобы придать себѣ грозный видъ и дешевле ^{покупать} откупиться отъ баранты; но общій страхъ вскорѣ разсѣялся; всадникъ ѣхалъ прямо къ каравану, безъ всякихъ предосторожностей, и вскорѣ узнали, что это братъ нашей незримой красавицы. На другой день, рано до зари, поднялся караванъ и степь опять опустѣла. Мы всегда оставались на мѣстѣ нѣсколь-